

16+

Виктор ДЬЯКОВ

РАЗНИЦА В ВОЗРАСТЕ

Виктор Елисеевич Дьяков

Разница в возрасте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36054168

SelfPub; 2018

Аннотация

Повесть о не случившейся любви. 1975 г., 23-х летний Володя на танцах встретил юную Катю и, что называется, влюбился с первого взгляда. Но, увы, отношения между ними так и не завязались. Виной тому стала разница в возрасте, которая 17-ти летней Кате показалась слишком большой и то, что девушка заранее поставила себе цель: сначала выучиться, а все остальное потом. Жизнь еще дважды их сводит, в 1981 и в 1997 г.г. Кате уже не кажется, что меж ними такая уж большая разница в возрасте, но, как говорится, поезд ушел.

РАЗНИЦА В ВОЗРАСТЕ

повесть

Местность, где степь сменяла горы, где Иртыш стремительным потоком вырывался из теснин ущелий на равнину, называлась Устье Каменных Гор, Устье. Так же назывался и город, основанный когда-то как крепость, форпост русской колонизации. По обе стороны крепости цепочкой вдоль берега расположились казачьи станицы. В советское время город стал областным центром Казахстана, известным переработкой стратегических руд, залегающих в окрестных горах. Именно стратегическое значение позволило городу и области занять к семидесятым годам особое положение: официально в составе Казахстана, но от Алма-Аты зависящих номинально, так как имели прямой "выход" на Москву. Впрочем, административная принадлежность к Казахстану тоже приносила свои "дивиденды": не позволяла РеСеФеСеРовским чиновникам держать область на том же "голодном пайке", что и российскую провинцию. Имея щедро оплачиваемый оборонный заказ, область и город жили по советским меркам довольно сытно и вольготно.

Степь от устья гор не расстилалась ровным столом, то там, то здесь она вдруг вздыбливалась каменными выступами. Такая причудливая двуглавая гора торчала в двадцати кило-

метрах от города, ниже по течению Иртыша, неподалёку от местного аэропорта. Рядом располагалась бывшая станица, ставшая селом, Захарово. Пологие вершины облюбовали военные под позицию для радаров, которые ощупывали электромагнитными лучами всю окрестную степь и предгорья, отслеживали посадки и взлёты самолётов в аэропорту. Позднее к подножию горы стали свозить старую радиолокационную технику, сделав здесь нечто вроде охраняемого кладбища-хранилища...

Июнь 1975

Десять солдат во главе с лейтенантом Владимиром Рогожиным производили консервацию радиолокационного комплекса привезённого из части, откуда они и были командированы. Солдаты шприцевали механические сочленения специальными смазками, вешали внутри КУНГов мешочки с силикагелем, обматывали спецбумагой рессоры ходовой части, закрывали и замазывали герметиком двери...

Отправляя Рогожина в командировку, его как молодого офицера напутствовали официально и неофициально. Общий смысл тех распоряжений и советов сводился к тому, что солдат следует так загружать работой, чтобы вечером их не потянуло в самоволку, в село, к девкам. Лейтенант делал всё возможное, так что даже старослужащие к концу рабочего дня выглядели настолько "упаханнными", что, казалось, только и думали, как скорее дожидаться отбоя и заснуть. Рого-

жинская команда размещалась в казарме местной радиотехнической роты, обслуживающей расположенные на горе радары. Солдатам отвели место в спальном помещении, а лейтенанту на ночь ставили койку в канцелярии роты. Рогожин, заинструментированный своим и местным командованием, регулярно среди ночи вставал и проверял бойцов...

В субботу после обеда, отправив солдат в ротную баню, лейтенант, успокоенный тем, что первая неделя его командировки прошла без происшествий, решил немного расслабиться и "прошвырнуться" по селу. Заранее припасённая "гражданка", рубашка и брюки "клеша", мгновенно преобразили официальное лицо в обыкновенного двадцатитрёхлетнего парня.

Околица Захарова начиналась метрах в двухстах от КПП роты. Каждый "кулик" хвалит своё болото. Но, приглядываясь к селу, как ни пытался Владимир "вычислить" преимущества сёл и деревень родной Калининской области – ничего не получалось. Захарово выигрывало по всем статьям: крепкие зажиточные дома, асфальт на центральной улице, одетые на городской манер весёлые, довольные люди, много молодёжи... Ну, а сверкающий стеклянным фасадом новый Дом Культуры и разбитый за ним парк совсем доконали тверского человека. "Это как же так, там у нас сердце России, от Москвы рукой подать и нищета, грязь, бездорожье, свет не везде... в деревнях одни старики да старухи остались, а тут у чёрта на куличиках, до китайской границы всего-ничего и

так живут!?" – возмущение и ревность, обида за родной край переполняли Владимира.

В витрине Дома Культуры, как и в солидных городских кинотеатрах, помещалась афиша гласящая, что в восемнадцать часов в кинозале будет демонстрироваться американский фильм "Новые центурионы", а после его окончания начнутся танцы. Лейтенант, отправляясь в село, попросил местного старшину, чтобы тот на вечерней поверке проверил его людей, если он сам задержится. Пожилой прапор понимающе улыбнулся и заверил, что всё сделает. Он же и посоветовал сходить в ДК, где по выходным всегда устраивали танцы.

Просторный кинозал с обитыми дерматином сиденьями также с успехом мог конкурировать с любым городским кинотеатром, что вновь вызвало у Владимира ревностные чувства, от которых его отвлек начавшийся фильм. Сопереживая главному герою, он всё же не мог взять в толк, почему тот учёбе в университете предпочёл службу в полиции. Хотя сам он пошёл в военное училище и обрёл себя на рутинную жизнь, отъезд из родных мест, ограничение свободы... Но советская действительность того времени почти не предоставляла иных возможностей для сельского парня с посредственным аттестатом получить образование и вырваться из деревенской убогости. Сёл подобных Захарово Володе видеть ещё не приходилось. Он, конечно, слышал даже о ещё более зажиточных в Грузии, Прибалтике, на Украи-

не, но что такое возможно и в республике, которая никогда не слыла "богатой", стало для него настоящим откровением. Оставаясь на танцы, Володя предполагал, что немного посмотрит и пойдёт в роту проведать своих солдат, не сомневаясь, что на подобные мероприятия ходят в основном подростки-старшеклассники.

На эту девушку Володя обратил внимание сразу. Она стояла в окружении щебечущих подруг и, казалось, вся светилась счастьем, приветливостью ко всему сущему вокруг. "Ей где-то лет двадцать, видимо, на лето приехала из города", – Володя судил по росту, стати и модной для села причёске девушки. При этом он упустил, что подруги почему-то выглядят рядом с ней молоденькими не оформившимися соплюхами. Её наперебой приглашали парни на медленные танцы, а быстрые она танцевала в своём девичьем окружении.

Танцевали под пластинки, но сам проигрыватель оказался скрыт, и музыка лилась из усилительных колонок – всё было оборудовано с непровинциальным шиком. Репертуар тоже подобрали соответствующим: "Цветы", Ободзинский, "Самоцветы" ... Но Володя уже не обращал ни на что внимания, он видел только её. Расходящиеся от девушки флюиды доброжелательности создавали впечатление, что она получила какое-то желанное известие и спешит поделиться этой радостью со всеми. Каждого приглашающего её парня, она одаривала искренней улыбкой, никому не отказывала, что-то говорила, иногда убеждала. Танцевала она не то чтобы уме-

ло, искусно, но с какой-то неторопливой природной грацией, плавно покачивая круто расширяющимися от талии бёдрами, с ленцой перебирая длинными, но в то же время полными ногами в эффектных босоножках на высокой "горке". Рядом с дёргающимися и трясущимися в изображаемом экстазе подругами, она смотрелась необыкновенно женственной. В сравнении с ней тускнели даже уже вошедшие в "женскую силу" девушки постарше, которых, в отличие от ожиданий Володи здесь собралось немало.

Лейтенант так загляделся на местную красавицу, что просмотрел момент, когда в зале появились его солдаты, тоже переодетые в гражданку, вернее двое из них, так называемые "деды", которые, уработавшись за неделю, вроде бы должны были спать "без задних ног". Узрев, наконец, подчинённых, Володя неприятно удивился, что те, увидев его, не задали стрекача, а просто попытались затеряться среди парней. Впрочем, приглашать девушек на танцы они не отваживались, но, видимо, сообщили "широкой общественности", что вот там стоит их лейтенант, так как Володя стал ощущать на себе любопытные и изучающие взгляды. Володя демонстративно не замечал "бойцов", намереваясь "разобраться" с ними завтра. Внимание его вновь привлекла та же девушка. И в тот момент, когда ноги понесли его к ней, он уже не думал о солдатах, о том, что они завтра всё расскажут остальным...

Никто не заступил ему дорогу, и он беспрепятственно пригласил её. Словно лёгкий ток прошёл через его тело, че-

рез руки, когда они ощутили её талию, а его всего как бы обволокла её доброжелательная улыбка. Они танцевали медленный танец под знаменитую песню "Звёздочка моя ясная" в исполнении ансамбля "Цветы".

– Почему вы не разрешаете ходить на танцы своим солдатам?– её укоризненный вопрос прозвучал для Володи как некий "глас небесный".

– Что вы сказали?– в горле его пересохло и говорить стало трудно, он по-прежнему ощущал себя элементом электроцепи.

Он выглядел настолько смешно, что девушка не удержалась и негромко рассмеялась. Мелодия её смеха и блеск идеальных белоснежных зубов добавили «напряжения в цепи» – Володя едва сдерживал мелкую дрожь.

– Тут ваши солдаты прячутся от вас, говорят здесь наш лейтенант и он нас накажет за то, что мы из казармы ушли.

Володя в ответ, силясь, изобразил что-то вроде улыбки и попытался пошутить:

– Серьёзно, вот уж не думал, что внушаю такой ужас.

Вам не кажется, что это ненормально, держать ребят ваперти по целым неделям.

Это не от меня зависит... есть устав, дисциплина,– никогда Володя не чувствовал себя так неловко, он отвечал, словно оправдывался, стесняясь её глаз, находящихся так близко, на одном уровне с его глазами – хоть Володя и был достаточно высок, метр восемьдесят, но и её немалый для девушки

рост плюс каблук их уравнивали. Со стороны же благодаря причёске и белой кофточке она казалась и выше и крупнее.

— Неужто вы их накажете за то, что они сюда пришли?... Что такое "губа"? Они говорят, что там бьют и издеваются,— в её глазах Володя читал протест, возмущение и... просьбу.

— Ну что вы... нет, конечно... ну может быть поругаю немножко, не более,— словно испугавшись, уверял её Володя, одновременно подводя основу для продолжения разговора во время следующего танца.

Переждав быстрый танец, Володя вновь устремился к девушке, вызвав перешёптывания и многозначительные улыбки. Его партнёрша выглядела несколько смущённой, она не могла не видеть, что проявление внимания со стороны заезжего лейтенанта приковывает и к ней взгляды всего зала. На этот раз, несколько успокоившись, Володя взял инициативу на себя:

— Извините, позвольте узнать, как вас зовут? Она ответила, слегка опустив глаза:

— Катя.

— А меня Володя... Извините Катя, вы работаете или учитесь?— он автоматом выдавал стандартный набор фраз, используемых большинством молодых людей при знакомстве с девушками.

— Сейчас ни то, ни другое,— девушка загадочно улыбалась, медленно двигаясь в такт музыке.

— То есть, как?— не понял Володя.

– Я только школу окончила, у нас сегодня последний экзамен был.

Увидев вытянувшееся от удивления лицо Володи, Катя вновь негромко рассмеялась, видимо уже не в первый раз наблюдая за реакцией незнакомого парня, после того, как он узнавал её истинный возраст. До Володи только сейчас дошло, что все эти подружки и многие парни являются выпускниками местной школы, отмечающие её окончание.

То, что так понравившейся ему девушке всего семнадцать лет, и она ещё недавно ходила в десятый класс, не остановило лейтенанта. Он уже так «зарядился» от её глаз и талии, что приглашал и приглашал её, не обращая внимания на парней, её подруг, своих солдат... Катя хоть и смущалась, но, несомненно, была польщена, и когда Володя предложил после танцев проводить её до дома, немного помедлив, согласилась. Впрочем, долго ждать не пришлось. Уже на следующем танце Катя со своей завораживающей улыбкой вдруг заявила, что собирается уходить, и если он не передумал, то может её сейчас же и проводить.

Сумерки только начинали сгущаться – стояли самые длинные дни в году. Было тепло, лишь со стороны Иртыша иногда тянуло прохладой.

– Вы не против немного прогуляться?– девушка неожиданно предложила то, чего в данный момент Володя желал более всего.

Катя, облитая розовым отсветом невидимого за селом и

лесопосадкой солнца, походила на некое неземное существо, во всяком случае в его глазах. Они молча удалялись от ДК, музыка доносилась всё глуше. Он из под тишка поглядывал на неё, она же улыбалась самой себе, будто ничего не замечая.

– Значит, вас можно поздравить с окончанием школы?– наконец решился прервать затянувшееся молчание Володя.

– Да, теперь и у нас начинается взрослая жизнь... Жутковато немножко, а, в общем, я с нетерпением ждала этого дня.

На них обращали внимание и встречающие и сидящие на лавочках и завалинках, на них смотрели из окон – её здесь знали все, а его никто.

– А вы давно школу окончили?– в свою очередь спросила Катя.

– Да, уже порядочно, шесть лет назад.

– Я так и думала. Вы ведь потом в училище военном учились?

– Да, два года как окончил.

– А мне ещё предстоит... поступать, учиться,– Катя с удовольствием зажмурилась, не оставляя сомнений в том, как она этого хочет и ждёт.

– И куда собираетесь?

Володе очень хотелось перейти на "ты", тем более собеседница оказалась намного моложе его, но у него ничего не получалось – девушка каким-то чудесным образом умудрялась держать дистанцию, незримую границу, которую он не

решался нарушить.

– В Алма-Ату поеду, в университет.

– А на какой факультет, если не секрет?

– На исторический.

Володя удивлённо вскинул брови:

– А вы в курсе, какие конкурсы у историков, тем более в КАЗгу?

– Конечно, но думаю я поступлю,— в чарующей улыбке Кати читалась такая уверенность, что Володя не смог сразу найти аргументы в противовес. Он лишь спросил:

– Вы, наверное, хорошо учились?

– Да, у меня балл аттестата четыре и семь, а по гуманитарным предметам все пятёрки.

– И всё-таки, как вам ... – Володя хотел сказать ей, что в данном случае почти отличного аттестата мало, что здесь и ещё кое-что иметь надо... Но не сказал, решив, что у неё, видимо, есть это самое кое-что, о чём спрашивать при первом свидании было неудобно.

– Пойдёмте к Иртышу, я знаю место, с которого необыкновенно смотрится закат,— вдруг предложила Катя

Не склонный к романтическим созерцаниям такого рода, Володя охотно согласился – сейчас он был готов идти за ней куда угодно. То оказалось место паромной переправы. Река делала здесь замысловатый изгиб, раздваивалась, обходя с двух сторон поросший мелким кустарником остров. Они вышли на усыпанной мелкой галькой пустынный берег, подня-

лись на дебаркадер, у которого покачивался на волнах пришвартованный паром.

– Его что, никто не сторожит?– спросил Володя, но Катя укоризненно покачала головой и указала в сторону реки и дальше, дескать, как можно спрашивать о чём-то, когда тут такое...

Зрелище действительно впечатляло: степь за Иртышом на линии горизонта пылала сплошным багровым заревом. Володя обычно реагировал в таких случаях без излишних эмоций – ну красиво и красиво, и здесь сама заря его не особо тронула... Но вид застывшей в восхищении девушки, заставил замереть и его в некоем благоговении. Так они простояли несколько минут, она, с немым восторгом глядя на закат, он тоже, вроде бы в сторону медленно сползающего в кроваво-красную трясику солнца, но видящего только её... Катя это почувствовала и, повинуясь женской природе, стала вроде бы невзначай себя демонстрировать. Она непринуждённо поворачивалась к нему то боком, то спиной, волнующе перетекающей от покатых плеч к овалу облитых тёмной короткой юбкой умопомрачительных бёдер, то и дела трогала волосы, из чего можно было сделать вывод, что она недавно сделала причёску, а до того, скорее всего, носила косу, по всей видимости толстую, длинную...

Решив, что сеанс кокетства можно завершить, Катя погрозила пальчиком:

– Вы не туда смотрите... А хотите, я вам скажу, почему я

ушла с танцев и вас увела?

– Скажите?– заинтересовался Володя, несколько смущённый, что его "поймали".

Она взяла его под руку и повела с дебаркадера.

– Я просто выполняла просьбу ваших солдат. Вы не обижаетесь на меня?– Катя без усилий трансформировала свою улыбку в виноватую.

– Ах, вот оно что,– Володя рассмеялся, досадуя, что всё объяснилось столь прозаично.

– А что вы подумали?

– Ну, мало ли что... Так вы значит меня немного того, провели,– Володя говорил с шутливой строгостью.

– Простите меня, я больше не буду,– она в свою очередь "сделала" покаянные глаза.

– Да что вы... мне не за что вас прощать. Наоборот, я рад, что мои обормоты дали вам такое поручение, а ещё более, что вы взялись его исполнять,– откровенно признался Володя.

– Так вы не станете их наказывать?

– Не знаю, всё будет зависеть от вас,– он попытался затеять игривый торг, но с её стороны встречных шагов не последовало, более того, она оставила его локоть – они вновь шли по селу.

– Давайте я вам расскажу о нашем селе, а вы мне о тех местах, откуда родом. Я вообще люблю общаться с людьми, которые много повидали.

— Ну, я к этой категории вряд ли отношусь, не так уж много я успел повидать: деревня, интернат, училище, стажировка, часть... вот и всё.

— А почему интернат?... Извините, у вас, наверное, семейные ...

— Да нет, просто деревенька наша небольшая, школа-восемилетка, вот и пришлось последние два года в интернате, в райцентре доучиваться. С того, наверное, в отличие от вас у меня и аттестат три с половиной, а ведь восемь классов без троек окончил. Дома бы учился, может и десять так же, и тоже в институт поступил... да видать не судьба.

Володя говорил о себе без трагического пафоса, спокойно. Да и о чём можно горевать, когда он шёл рядом с такой девушкой. Катя совсем не походила на сельскую жительницу, хотя многое говорило за то, что она выросла именно здесь на чистом степном воздухе, парном молоке и свежей пище.

— А я так вообще почти нигде не была, но наши места знаю хорошо и много чего могу вам порассказать... Хотите...? До революции наше село было казачьей станицей... Катя говорила с некой таинственностью, и в быстро надвигавшейся полутьме, казалось, вот-вот оживут сказочные персонажи. Но её рассказ не содержал ничего мистического. Володя узнал, что Захаров был местный казачий атаман, а в Гражданскую часть станицы встала за белых, а часть ушла в горы партизанить в знаменитый отряд Красных Горных Орлов.

— Мой прадед воевал в этом отряде, — с гордостью поведала

Катя.

– Так вы правнучка красного партизана?

– Именно так,— с достоинством улыбалась Катя.— А сейчас у нас тут совхоз, передовое животноводческое хозяйство. Нашим мясом и молоком снабжается и Устье, и все рабочие посёлки и рудники в округе. У меня и отец и мать животноводы. А вам понравилось наше село?

Володя, услышав про родителей Кати, удивился — по её внешности и непоколебимой вере касательно поступления в университет, он бы скорее поверил, что она дочь директора совхоза, имеющего вес и связи. Однако последний вопрос тут же переключил его мысли.

– Понравилось?... Не то чтобы...— он опасался ненароком обидеть Катю, своим негативным отношением к достатку захаровцев.— Скажите, а сколько примерно у вас на селе частных машин?

– Ой, много, наверное, в каждом четвёртом-пятом дворе машина или мотоцикл. Отец тоже купить собирался, да водить учиться не хочет.

Разговор продолжался в уютной беседке в парке за Домом Культуры, откуда уже не доносилась музыка. Танцы закончились, но зато на освещённой площадке перед ним вовсю горланила и перекликалась молодёжь.

– Ого,— присвистнул Володя,— богато живёте!

– А у вас разве не так? Кстати, откуда вы родом?

– С Калининской области. Так вот там у нас личных ма-

шин, если одна на сорок дворов будет, то это хорошо, да и то только у начальства, редкий рядовой колхозник и мотоцикл имеет.

– У вас там, наверное, климат плохой... или земля?...– предположила удивлённая Катя.

– Нормальная земля и климат тоже, сыровато правда, зато засух как у вас не бывает, леса кругом, грибы, ягоды... вёдрами заготавливаем. В огородах картошка в два кулака без удобрений вырастает, капуста с бычьей голову, морковь, горох – всё растёт. Животноводство говорите у вас? Да разве здесь трава для скотины, вот на наших лугах трава так трава. Вот пшеница у нас плохо родит, зато рожь, лён, ... – Володя, забывшись, говорил с азартом, злостью.

– А почему же тогда живёте бедно? – всё более изумлялась Катя.

– Не знаю! – Володя осёкся, стал оглядываться, испугавшись, что слишком повысил голос, и их могут услышать, но в полутьме парка никого не было видно, и он успокоился. – Только мне кажется, надо сначала разобраться, почему тут у вас так хорошо живут, чудеса какие-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.